

Неделя.

ВЫПУСК

470-й

ГОСТЬ

13 страницы

13

В 1956 году его, кинодокументалиста, пришлось убеждать в том, что ему надо снять первую художественную ленту — кинокомедию «Карнавальная ночь». А в нынешние осенние дни к съемкам своего уже девятнадцатого фильма приступил народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР, РСФСР и международных кинофестивалей Эльдар Александрович РЯЗАНОВ —

гость нашей 13-й страницы.

— Поздравляем с началом новых съемок...

— Готов скорее принять заболевание: работать стало невыносимо трудно. То, что раньше делалось само собой, теперь достигается неимоверными трудами, а результат неадекватен яростным усилиям. Не знаю, чего во мне сейчас больше — любви или отвращения к своей профессии.

— Так что же, новая картина будет не смешной?

— Хотим сделать свои «Небеса обетованные» нежным, трогательным и добрым фильмом. Сценарий мы написали вместе с молодым драматургом Генриеттой Альтман. Трагикомедия, своего рода притча с библейским оттенком, о несчастных старых людях. Картина должна сместить, пока зритель ее смотрит, но в результате она будет очень горькой. Трудно у нас жить человеку! Смеяться над старостью и бедностью грешно, но для жанра комедии нет запретных тем. Все дело в позиции авторов.

— В своей книге «Неподвешенные итоги» вы написали: «Человека рассмешить труднее, чем заставить плакать». Вы и сейчас придерживаетесь этого мнения?

— Сейчас не стоит заставлять плакать с помощью искусства, людям и без того тошно. В нашей новой картине героиня на вопрос: «Не стыдно просить милостыню?» отвечает: «Сегодня вся страна стоит с протянутой рукой». И ведь действительно с протянутой, в надежде на богатый Запад...

Будучи в ФРГ, на одной из улочек Кельна, я спросил кинорежиссера Александра Митту: «Как называется улица, где мы находимся?» «Шмункинштрассе!» — ответил он, так много там было товаров. У нас в сознание народа прочно втялась «социалистическая» идея экономической уравниловки для всех, идея нищего равенства. При мысли, что сосед может жить лучше, люди готовы спалить его дом...

— Позвольте неожиданный вопрос: вы возглавляли бы союзное Министерство культуры, если бы вам это предложили?

— Никогда. С большой симпатией и уважением отношусь к Николаю Губенко, ценю его благородное стремление и самоотверженность; он взвалил на себя тяжелейшую ношу. Залатать какие-то дыры удастся, но то будут заплатки на рубище страны. Нужны годы и десятилетия...

Октябрьская революция произошла в малокультурной стране. К власти пришла сначала группа профессиональных революционеров, среди которых встречались и образованные люди. Затем персонажи Зощенко, жлобы и мешанины, успешно рванувшиеся к пирогу власти, уничтожили в репрессиях тех, кто де-

лал революцию, и тонкий культурный слой общества. Возглавив страну, эти жлобы 70 лет растлевали народ и добились огромных успехов. Темный Жданов учил гениального Шостаковича сочинять музыку. «Искусствоведы в штатском», облеченные властью, десятилетиями загоняли культуру в тупик.

— Министром вы быть не хотите. А в народные депутаты СССР все же баллотировались.

— Это было естественное желание помочь Отечеству. Но в ходе предвыборной кампании избиратели стали требовать, чтобы я построил метро, закрыл экологически вредный завод и проложил новое шоссе. А я делать это не умею, хотя требования избирателей были справедливы. Начиная говорить: «Да, конечно» (как, кстати, многие кандидаты в депутаты и делала), стал бы обманщиком. Главным моим соперником был Юрий Черниченко, а мы люди одной идеологической группы крови и бороться с ним было бы нелепо. Он очень хотел стать избранником народа. И я тихо ушел. Не поехал на радиодэбаты, не выпустил ни одной предвыборной листовки, хотя в моем распоряжении была типография «Мосфильма». И теперь думаю: какой же я умный, что не пополнил собой и без того многочисленный отряд говорунов.

— Картину вы последний раз поставили два года назад. И на телевидении далеко не частый гость. Почему?

— Меня как-то пригласили в «Взгляд», и я в прямом эфире заявил, что считаю Октябрьскую революцию трагической ошибкой. Это вызвало окрик телевизионного начальства. Признаться, мне хотелось бы высказываться с экрана свободного телевидения, где меня не редактируют и не вырезают. Надоело, напротив, когда твою гражданскую позицию «выправляют» чиновники. Но государственное ТВ — это особая империя, особая кадровая политика... Еще в застойные времена я говорил большому начальнику ТВ: дайте мне канал, я буду приглашать умных, смелых, свободных, любящих страну людей. Он только рассмеялся. Это и теперь не возможно. Поэтому я только телезритель...

— Как вы относитесь к тем, кто по разным причинам уехал из страны? Не было ли у вас подобного желания?

— Не представляю свою жизнь вне своей страны. Анна Ахматова писала: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был». Для

преки страшному и преступному режиму.

— Многие изменились...

— Много! Мы стали свободно говорить. В мире перестали считать нас агрессорами, какими мы, между прочим, нередко являлись (вспомним Венгрию-56, Чехословакию-68, Афганистан). Перестройку возглавляет Горбачев, внешнеполитический курс осуществляет Шеварднадзе. Представьте, что во главе страны становится Полонский; не исключено, что в этом случае мы снова превратимся в империю зла. Поэтому Запад и вкладывает в нас деньги с опаской: нет гарантий необратимости процесса.

вала предполагаемая экранизация книги В. Войновича о солдате Чонкине в моей постановке, — я стал интересоваться проблемами современной армии. И сегодня убежден: нужна армия профессиональная, высокооплачиваемая, высокообразованная. Но в нашей стране сильны традиции принудительного труда: раньше — крепостные, потом заключенные, теперь солдаты. Поэтому генералитет всех убеждает, что 700 тысяч будут стоить дороже, чем 5 миллионов человек. А кто подсчитал, какую пользу принесут стране эти 4 с лишним миллиона, если станут работать на мирном производстве?

Эльдар РЯЗАНОВ

— Ваши отношения с армией?

— В свое время я рассказывал по телевидению историю о том, как мой друг на военных сборах был денщиком у лейтенанта: сопровождал его жену на базар, сажал лейтенантских детей на горшок... Это привело военных в бешенство. Они зашумели: денщиков у нас не было и нет! Одновременно я получал послания от офицерских жен, которые писали, что если бы не поддержка солдат, присылаемых им в помощь, то они с нищенским офицерским жалованием, с неустроенным кочевым бытом, с нехваткой всего попросту не выжили бы... Военные не могли успокоиться; меня вызвали к военному прокурору. Он показал мне доклад: якобы я дезертировал с фронта во время войны, хотя, когда кончилась война, мне было 17 лет.

Всегда преклонялся перед подвигами наших солдат и офицеров. В «Гусарской балладе» и «О бедном гусаре замолвите слово» воспеваю воинскую честь, доблесть и мужество. Но, поскольку кампания с моим «дезертирством» не сразу утихла, и к ней подключились генералы, а их возмущение подогре-

— Эльдар Александрович, вам много нужно для счастья?

— Живу тревожно. Поверил в перестройку и даже изменил своим принципам: никогда раньше не занимался общественной работой (считая ее прибежищем тех, кто, как правило, не наделен талантом, но хочет сделать карьеру). А тут согласился стать секретарем правления Союза кинематографистов. И сейчас моя гражданская позиция не изменилась, но говорю свои взгляды и убеждения выразить в новой ленте.

А вообще, счастье — жить в стране, где властвует закон, есть свобода мышления и культура поведения сверху донизу. Колбаса — не главное, но ее отсутствие сильно раздражает. Чтобы купить бутылку кефира, я объезжаю несколько молочных, а времени у меня на это нет. Иногда продавец, увидев знакомое лицо, достает что-нибудь из-под прилавка, покрываясь краской, но беру, чувствуя, что поступаю непорядочно. Этот акт работника торговли — своеобразная форма меценатства. Раньше меценаты за свой счет посылали художника или певца

учиться в Италию, теперь дают ему кусок мяса...

Для счастья мне надо, чтобы страна была благородная, тогда и соотечественники гордились бы ею. В США я обратил внимание: почти на каждом доме — в будни! — национальный флаг, причем «райкомы» никого не просят его вывешивать. И это не примета праздника, а любовь к своей родине. У нас же никому в голову не придет такое, разве что на националистической почве... Хочу восхититься своей страной и добровольно, от сердца, вывешивать ее флаг на своем балконе.

— Не жалеете, что выбрали профессию кинорежиссера?

— Не жалею. Однако за последние 30—40 лет произошла девальвация кино как искусства и кинематографической профессии. В годы моей молодости кто режиссеры? Эйзенштейн, Ромм, Довженко, Пудовкин, Козинцев, люди-легенды! А сейчас это расхожая профессия, каждый может что-то снять видеокамерой. Любимый мальчишка нажатием кнопки на аппаратуре получает спецэффекты, о которых мы и не мечтали. Произошло обесценивание таинств профессии.

— В ваших фильмах начинали творческий путь многие замечательные артисты. А кто-либо отказывался у вас сниматься?

— Очень редко. Юрий Никулин сыграл пробы, но сниматься в роли Деточкина в фильме «Берегись автомобиля» отказался. В тот момент Л. Гайдай предложил ему в пятый раз сыграть Балбеса, и он в пятый раз согласился. Для меня это остается загадкой актерской натуры.

— Сейчас модны совместные постановки...

— У меня были две попытки — «Невероятные приключения итальянцев в России» и несостоявшаяся экранизация романа В. Войновича — и обе невероятно трудные. Слуга двух господ — мучительное состояние, а я не хочу быть слугой даже одного. Совместная постановка для меня возможна только при условии, если я буду свободен. Устал от несвободы.

— Десять лет вы преподаете на Высших курсах режиссеров и сценаристов. Довольны этой работой?

— Если мои ученики делают хорошие картины, радуюсь их успехам, как своим. Когда их фильмы выходят на большой экран, испытываю приятное «отцовское» чувство. Назову Юрия Мамина, снявшего «Праздник Нептуна» и «Фонтан», Вагифа Мустафаева — фильм «Мерзавец», Ивана Дыховичного — «Черный монах», Исаака Фридриха — «Куколка», Евгения Цымбала — «Защитник Седов». В застойные годы вы были удостоены титулов и званий — это нестораживает?

— Я никогда не добивался и не просил. Много лет назад я сказал себе: «Мне от НИХ ничего не надо. Лишь бы давали работать». Награды пришли сами. Но вообще премии, героическое, ордена для деятелей искусства и культуры надо отменить. Это Сталин придумал для растления художественной интеллигенции. Феллини — не заслуженный деятель искусств Италии, Бергман — не народный артист Швеции. Деятель искусства имя дороже звания.

— Какая платформа какой партии вам ближе?

— Никакая. Прожив всю жизнь, как буйвол в ярме, который тащит груженую подводку, не хочу больше испытывать чье-то давление. Я кошка, которая гуляет сама по себе.

— Помогает вам в жизни ваш ризеншнауцер Чонкин?

— О-о, это член семьи, совершенно бескорыстное и замечательное существо с аппетитом, не рассчитанным на нашу страну. Как он радуется, когда я прихожу со съемок, радуется... еще только жена.

Гостя расспросил Сергей САМОШИН.

Фотографировал Л. Шерстеников

908 Рязанов Э.Д.

4/8-90